Концепция происхождения индоевропейцев Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванова (критический этюд)

Сергей Конча

Гипотеза о ближневосточной прародине индоевропейцев: взгляд через 30 лет

Предлагаемая вниманию читателей статья была написана более десяти лет назад, но так и не была опубликована. Сборник работ, для которого она предназначалась, по некоторым причинам, не увидел свет, а позже рассматриваемая проблематика перестала мне казаться актуальной. От коллег-археологов обычно приходилось слышать что-то вроде: «Нет никакого смысла углубляться в разбор и критику гипотезы Т.В.Гамкрелидзе — В.В.Иванова, ведь и так понятно, что их концепция прародины неверна». Лингвисты, с которыми доводилось об этом говорить, рассуждали примерно так: авторы, без сомнения, высококлассные специалисты, что же касается археологической части (т. е., по сути, всех исторических импликаций, которые представляли для меня главный интерес), то оценивать её они некомпетентны. Т. е. выходило, что концепция вроде бы как и есть, она весьма известна и даже авторитетна, но говорить о ней незачем, полемизировать, в сущности, не с чем.

Просматривая дискуссии по индоевропейской проблеме на сайте «Генофонд.рф» и обнаружив несколько прямых отсылок к ближневосточной прародине и именно, как мне показалось, в том варианте, который предложили Т.В.Гамкрелидзе и Вяч. Вс.Иванов, я вспомнил об этой так и неопубликованной статье. Мне подумалось, что в споре между сторонниками южного и северного векторов индоевропейских миграций изложенные в ней соображения окажутся нелишними.

В статье предпринята попытка показать, как не следует, по моему мнению, подходить к решению проблемы прародины и древнейших миграций индоевропейцев. Хотя статья получилась острополемической, местами даже злой, я ни в коей мере не ставил целью преуменьшить заслуги таких замечательных исследователей как Т.В.Гамкрелидзе и Вяч. Вс.Иванов или каким-то образом бросить тень на их имена. С Тамазом Валериановичем Гамкрелидзе мне посчастливилось познакомиться в 2000 году на конференции в Оулу, в Финляндии и тогда между нами завязалась интересная (и вполне дружеская) дискуссия по поводу ближневосточной концепции, продолжением которой в какой-то мере и явились изложенные в статье положения.

Минимально обновив эту работу, предлагаю её вниманию уважаемых читателей.

КОНЦЕПЦИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ Т.В.ГАМКРЕЛИДЗЕ И В.В.ИВАНОВА

(критический этюд)

1. **Модель «праязыка» и концепция прародины**

Пожалуй не будет преувеличением сказать, что одним из наиболее ярких событий в индоевропеистике второй половины XX в. явился двухтомный труд известных языковедов Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры» (Тбилиси, 1984; далее — ИЯ) [см. также Гамкрелидзе, Иванов, 1980; 1980а; 1981, 1984а]. Объёмное произведение обобщает достижения данного направления науки за предшествующие сто лет и вместе с тем предлагает весьма своеобразный подход к решению проблемы реконструкции древнейшей истории носителей индоевропейских языков. Хотя изложенная в монографии концепция вызвала большое количество критических отзывов, найдя совсем не много сторонников и последователей, однако в сознании многих историков, археологов, культурологов прочно утвердилась мысль о том, что упомянутый труд содержит весьма основательное лингвистическое обоснование ближневосточного происхождения индоевропейцев.

Если вышедшая тремя годами позже книга английского археолога Колина Ренфрю [Renfrew, 1987] заложила археологическую основу «ближневосточной концепции», при этом, неоправданно проигнорировав или обойдя важные лингвистические аспекты, то работа Т.Гамкрелидзе, В.Иванова, по мнению многих, как раз позволяет заполнить образовавшийся пробел. Тем самым оба труда, несмотря на содержащиеся в них взаимные противоречия, обеспечили значительный рост интереса к ближневосточной версии происхождения индоевропейцев [Scherrat, 1988; Старостин, 1988; Сафронов, 1989; Климов, 1994; Zvelebil, 1995; Алёкшин, 1998; Григорьев, 1999; и др.].

Основные положения концепции Т.Гамкрелидзе и В.Иванова так много и основательно подвергались критическому разбору, что, казалось бы, дополнительный их анализ совершенно излишен[1]. При всей дискуссионности многих частных вопросов, критики сошлись в главном: при крайней неудовлетворительности археологического обоснования построений и неубедительности модели древнейших индоевропейских миграций, собранный в книге обширный лингвистический материал

достаточно показателен для вывода о том, что прародину индоевропейцев следует искать в восточносредиземноморском (балкано-анатолийско-кавказском) регионе.

Наше обращение к построениям Т.Гамкрелидзе – В.Иванова как раз имеет целью показать, что изымая из их системы хотя бы одну сомнительную часть (а таких частей в итоге оказывается немало), неосторожный критик рискует обрушить не только всё здание конкретной концепции, но и саму идею прародины в Анатолии, Закавказье или Средиземноморье. И в этом случае уже не остаётся места для констатаций вроде: «вопреки отдельным неточностям и недочётам, совокупность фактов в целом говорит о правильности поиска в таком-то направлении». Почти каждое из положений авторов – идея о размещении прародины на Армянском нагорье, присутствие в и.-е. праязыке названий для тропических животных, миграция общих предков «европейцев» в Европу через степи Центральной Азии, общая схема миграций – подвергались основательной критике. Поэтому, как увидим далее, практически исчезают основания полагать, будто остаётся ещё много чего-то такого, что в целом всё же говорит о правильности южного направления поисков прародины.

* * *

Аргументация, приводимая Т.Гамкрелидзе и В.Ивановым, сводится к следующим положениям.

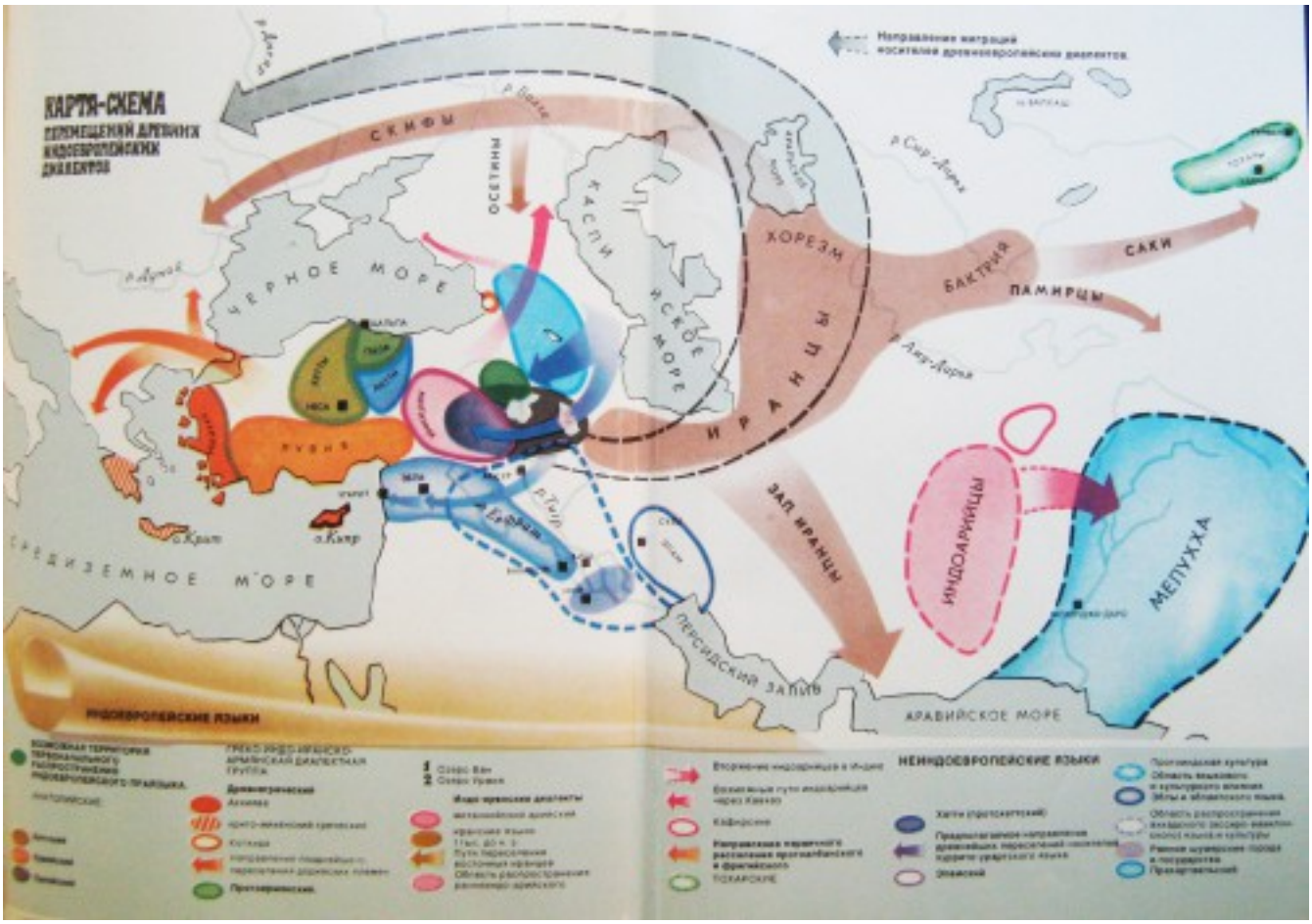
1. Праиндоевропейская языковая система, в частности та система согласных, которая предлагается в авторской интерпретации [Гамкрелидзе, Иванов, 1972; 1980], обнаруживает выразительные параллели с системами языков Ближнего Востока [ИЯ: 871; ср. Хоппер, 1988].
2. Следы лексических проникновений периода «праязыка» указывают на то, что индоевропейцы эпохи языковой общности (далее – ИЕО) находились в контакте с семитами, хурритами, хаттами, картвелами, что должно указывать на северные регионы Ближнего Востока, как на зону этих древних контактов [ИЯ: 870-883, 890].
3. В составе общеи.-е. лексики обнаруживаются названия таких реалий: лев, барс, верблюд (или слон), обезьяна, краб, виноград, роза, шелковица (тутовое дерево), кизил, грецкий орех [ИЯ: 867 и выше], с очевидностью указывающих на средиземноморско-ближневосточный регион, как на первоначальную область распространения носителей праязыка.
4. Общий словарь указывает на знание индоевропейцами специфики горного ландшафта, что исключает из круга поисков прародины равнинные части Восточной и Центральной Европы, но согласуется с выводами о ближневосточно-средиземноморской атрибуции прародины [ИЯ: 865-866]. Вместе с тем, индоевропейцам были хорошо известны снег, иней, лёд, растение берёза, что исключает из круга поисков южные районы Ближнего Востока, равно как и часть средиземноморских стран, коррелируя направление поиска в сторону Закавказья.
5. Данные общеи.-е. культурной лексики указывают на овладение носителями праязыка пашенным земледелием, виноделием, ткачеством, пчеловодством, садоводством (яблоня, тутовое дерево, вишня, кизил) [ИЯ: 602-610, 637-664, 687-695, 868-869, 883-886], обработкой металлов (медь, золото, серебро) [ИЯ: 709-716]. Древние индоевропейцы разводили овец, коз, коров, свиней, лошадей, ослов [ИЯ: 544-598, 868], умели изготавливать колёсные транспортные средства, возводить сооружения (дома и крепости) из камня или обожжённой глины [ИЯ: 717-748]. Их общество было уже довольно стратифицированным в социальном отношении – обозначились прослойки правителей и их окружения, свободных соплеменников и зависимых людей [ИЯ: 749-751, 885]. Соответствующие явления, как подчёркивают авторы, прослеживаются по материалам V-IV тыс. до н. э. на Ближнем Востоке и лишь, начиная с конца IV-III тыс. до н. э., под влиянием восточных культурных центров они распространяются в Европе. Поскольку же ИЕО распадается по языковым данным не позднее IV тыс. до н. э. [ИЯ: 865], то она могла размещаться только на Ближнем Востоке. Именно те племена, которые являлись древнейшими носителями и.-е. языков должны были, по мнению авторов, принести в Европу также и указанные культурные достижения [ИЯ: 886, 890, 894 и сл.].

Совокупность всех аргументов позволяет Т.Гамкрелидзе и В.Иванову идентифицировать ИЕО с археологической культурой Халаф, которая охватывала в конце VI — начале IV тыс. до н. э. часть верхней Месопотамии и Армянское нагорье [ИЯ: 890-892]. Указанную культуру авторы рассматривают как типологически близкую к ближневосточным культурам, находившимся на предцивилизационном уровне развития. Вместе с тем, авторы фактически признают, что халафской культуре не были свойственны все явления, отображённые в восстанавливаемом и.-е. культурном словаре [ср. ИЯ: 891, 964] – главным основанием для отождествления остаётся сам факт расположения данной культуры в северной части Ближнего Востока.

После распада единства часть и.-е. языковых групп (предки греков, фракийцев, фригийцев) попала в Европу анатолийско-балканским путем [ИЯ: 893-912]. Это направление предполагается авторами, главным образом, на основании гипотезы Дж.Мелларта, обосновавшего вероятность прихода праэллинов в Эгеиду из Малой Азии.

Одновременно с этим, авторы присоединяются ко мнению М.Гимбутас и ряда других исследователей, по которому основной путь перемещения носителей индоевропейских языков в Европу проходил через степи Причерноморья и долину Дуная [ИЯ: 968; ср. также Гамкрелидзе, Иванов, 1984а: 118]. По мнению авторов, наиболее мощный массив степных памятников конца IV — III тыс. до н. э., известный как Ямная культурно-историческая общность репрезентирует «древнеевропейцев» – предков кельтов, италийцев, иллирийцев, германцев, балтов и славян. Процесс заселения «ямниками-праевропейцами» Центральной Европы должен был происходить по тому «археологическому сценарию», который был обрисован в работах М.Гимбутас [ИЯ:

952-954].

Миграции носителей древних индоевропейских диалектов (карта из книги Т.В.Гамкрелидзе, В.В.Иванова). Большой серой стрелкой показано общее направление миграций носителей «древнеевропейских» диалектов.

Но прежде чем попасть в причерноморско-волжские степи (район распространения памятников Ямной общности), представители европейских ветвей должны были попасть туда из своей древнейшей прародины в Закавказье. По мнению авторов, «праевропейцы» должны были двигаться восточным путём в обход Каспия – через Иран, Среднюю Азию и казахские степи. Мигрируя поначалу в восточном и северном направлениях, они должны были, судя по совокупности данных, достигнуть Южной Сибири в районе предгорий Алтая, откуда повернули на запад и, дойдя до Волги и Дона, оставили здесь свои курганные погребения [ИЯ: 938-957].

Основанием для такой сложной конфигурации древнейших миграций «праевропейцев» служат данные о лексических заимствованиях в некоторых восточных языках из и.-е. языка, напоминающего европейский; а именно: в енисейском (kus- ‘конь’ < и.-е.*ek^{u}os), китайском (*lac ‘молоко’) и алтайских (алт. *aspac ‘осина’, тюрк. öküz ‘река’, keči ‘коза’ («сатемный» рефлекс), alma ‘яблоня’). Картину этих древних контактов дополняют одно предположительное заимствование в европейские языки из алтайского (*mark- ‘конь’) и одно из енисейского (*hūs ‘дом’) [ИЯ: 939-942]. В археологическом отношении обозначенный авторами евразийский маршрут европейцев практически никак не комментируется.

2. **Культурное состояние и миграции**

Таким образом, предложенная Т.Гамкрелидзе и В.Ивановым схема движения индоевропейцев с прародины и заселения ими Европы, как бы объединила в себе балкано-анатолийскую и степную гипотезы, сведя обе к закавказскому «знаменателю». Изображая индоевропейцев носителями высокой культуры, культуртрегерами Европы, но принимая археологическую модель М.Гимбутас, авторы как будто не замечают коллизии: в их изложении более развитая культура оказывается принесенной в Европу теми самыми степняками-скотоводами, которые в версии М.Гимбутас выступают варварской периферией «Цивилизации Великой Богини» и, в конечном счёте, разрушителями высокой культуры Древней Европы [Gimbutas, 1963,

1977, 1980, 1991].

Культурно-исторические построения Т.Гамкрелидзе и В.Иванова своей неординарностью вызвали немалое удивление у специалистов. Идея о блужданиях «древнеевропейцев», по Центральной Азии получила немало довольно резких замечаний [Дьяконов, 1982, (2): 21-24; Лелеков, 1982: 32-34; Gimbutas, 1985: 188-196; Черных, 1988: 49-50; Mallory, 1989], практически никем не будучи принятой всерьёз.

Однако следует заметить, что чисто теоретически данная модель миграции не представляет собой чего-то невероятного – ведь кочевали же когда-то (и не так давно) приуральскими и казахскими степями предки венгров, проживающих ныне в сердце Европы. Через те же пространства Центральной Азии прошли долгий путь к своим нынешним странам предки турок, татар и других народов тюркской семьи. Что касается отсутствия археологических подтверждений постулируемой миграции, то трудно что-либо противопоставить уверенности авторов в том, что следы её будут найдены в будущем [ИЯ: 949, 969]. Кроме всего прочего, нельзя не согласиться и с тем, что стремительно движущиеся степями переселенцы могли и не оставлять каких-то существенных и археологически уловимых следов, ведь, как мы помним, индоевропейцы располагали лошадьми и запрягаемыми в быков колёсными повозками, т. е. имели возможность передвигаться довольно быстро.

Однако следует учитывать, что столь подробно и обстоятельно изображённая в книге Т.Гамкрелидзе и В.Иванова картина индоевропейской культуры предусматривает, что на всём своём пути от Армении к Алтаю и от Алтая к Дону и Днепру, представители общеевропейской группы языков должны были: а) распахивать поля, засеивая их пшеницей, ячменём, просом, льном [ср. ИЯ: 655-660], б) строить жилища или укрепления из камня (кирпича), в) разводить сады, при этом, естественно, дожидаясь пока яблоневые и вишнёвые деревья вырастут и дадут урожай, г) заниматься виноградарством и виноделием.

Допустить, что какой-то из этих культурных элементов в процессе движения был утрачен никак нельзя – ведь все эти явления восстанавливаются на основании наличия именно в европейских языках соответствующей терминологии, восходящей к эпохе «праязыка» (т. е. ко времени прародины в Закавказье). Предположить, что некоторые из известных на ближневосточной прародине культурных явлений были «праевропейцами» временно забыты, а потом вновь заимствованы у своих языковых родственников на Балканах (пришедших через Малую Азию фракийцев и греков) тоже невозможно. В таком случае исчезают основания считать соответствующую терминологию общеиндоевропейской, а, следовательно, и приписывать носителям «праязыка» культуру «ближневосточного типа».

Как известно, поднятие целинных земель под распашку в казахских степях является чрезвычайно нелёгкой и трудоёмкой задачей, требующей долговременной оседлости. Выращивание в тех же степях яблонь, вишен и тутовых деревьев, несомненно, потребовало бы специальных ирригационных работ. Следовательно, рисуемая Т.Гамкрелидзе и В.Ивановым, миграция предков европейцев через степи, не могла быть похожа на стремительный бросок лёгкого на подъём кочевого племени. Добавим к полученной картине жилища и крепости из камня, среди которых должны были находиться мастерские по обработке меди и золота, и мы согласимся с тем, что такую культуру – отвечающую критериям «протоцивилизации» ближневосточного типа – современным археологам было бы трудно не заметить до сих пор.

Однако таковая культура отсутствует не только в степях Казахстана, которые «праевропейцам» *не позднее рубежа IV – III тыс. до н. э.* предстояло пересечь дважды, но и на юге Восточной Европы [Даниленко, 1974; Мерперт, 1974, 1982; Массон, 1982; Васильев, Синюк, 1985; и др.], где «праевропейцы» должны были задержаться, как минимум, на тысячу лет.

Однако культурным и археологическим аспектами, проблема верификации предложенного Т.Гамкрелидзе и В.Ивановым пути миграции не исчерпывается. Соотнося картину миграций «праевропейцев» с предложенной реконструкцией экологического окружения, следовало бы провести их путь по территориям с горным ландшафтом, где водились львы, обезьяны, бобры, произрастали дубы, тисы, буки, ясени, грецкие орехи. Ведь названия всех этих реалий, знакомых, по уверениям авторов, на прародине индоевропейцев, восстанавливаются на основании наличия соответствующих слов, прежде всего, в «европейских» языках. И вряд ли могло быть так, что покинув прародину и долго (веками и тысячелетиями) не встречая эти объекты перед собой, предки балтов, славян, германцев, кельтов каким-то образом сохраняли память о них и продолжали употреблять эти слова именно в первоначальном смысле. Поскольку обезьяны в Казахстане и в Европе не водятся, предки славян и германцев (сохранившие и.-е. название обезьяны *opi-), очевидно, должны были во время своих степных перемещений разводить ручных обезьянок, тщательно оберегая их от вымирания в суровом климате севера. Пралатиняне должны были постоянно возить с собою слоновую кость, ведь именно на основании наличия слова ebur ‘слон’, ‘слоновая кость’ в латинском восстанавливается общеиндоевропейское значение слова [ИЯ: 524]. Учитывая проблематичность выращивания в степях винограда, видимо, остаётся предположить, что мигранты регулярно получали откуда-то (с бывшей прародины?) винные напитки, ведь рефлексы слова *ueino ‘вино’ исконны, по мнению авторов, в германских, славянских и латинском языках.

Но даже если со всем этим согласиться, как соотнести путь миграции с тем, что в Казахстане и Южной Сибири, на Урале и Волге, не водились львы, не росли тисы, ясени и буки? Остаётся либо настаивать на том, что всё это ещё предстоит обнаружить палеонтологам, либо согласиться с тем, что вся эта масштабная «реконструкция» полностью ошибочна. Последнее кажется более предпочтительным.

Совершенно наивны, поэтому, и заранее обречены на неудачу усилия некоторых археологов [Григорьев, 1999], пытающихся обнаружить какие-то подтверждения указанной Т.Гамкрелидзе и В.Ивановым миграции из Закавказья в Сибирь и из Сибири, с заходом на Черноморское побережье, в Центральную Европу. Даже если на указанном пути действительно будут найдены следы передвижений народов, идущих в желаемом направлении и относящихся к указанному времени, это, вне всякого сомнения, будут не «те самые индоевропейцы» – металлурги, пахари, садоводы и виноделы, принесшие в Европу развитую культуру с Ближнего Востока, которых предлагается искать с подачи прославленных языковедов.

* * *

Кто-то из сторонников ближневосточной прародины в этом месте мог бы заметить: «Да, мысль о миграции «праевропейцев» степями оказывается ошибочной. Действительно авторы не избежали влияния популярной в те годы теории «степной инвазии» М.Гимбутас. Но ведь главная суть их построений не в обосновании конкретных путей миграции, а в доказательствах высокого уровня культуры индоевропейцев, оставляющего единственным вариантом поиска Ближний Восток. Как и каким путём они пришли в Европу – дело третье».

Могу на это возразить, что повергающий в недоумение путь миграции европейских ветвей из Армении к Китаю и оттуда в Причерноморье, отнюдь не излишний «довесок» к уже сложившейся концепции и не следствие магнетизма идей М.Гимбутас, а продуманный авторами ход.[2] Дело в том, что изъяв из общей схемы построений момент разбросанности индоевропейцев по обширным пространствам Евразии, мы делаем уязвимым тезис о принадлежности индоевропейцев к кругу культур ближневосточного типа. Каким именно образом – об этом подробнее речь пойдёт ниже.

Возвращаясь к вопросу об археологической обоснованности построений Т.Гамкрелидзе и В.Иванова, нельзя не упомянуть и то обстоятельство, что не только степные культуры IV-III тыс. до н. э. не обладают совокупностью культурных признаков, которыми авторы наделяют индоевропейцев. Культура Халаф в Закавказье, идентифицируемая с ИЕО позднего этапа развития, также такими чертами не располагает. Здесь нет развитой металлообработки, нет домашнего коня, нет колесного транспорта, не обнаружены данные, указывающие на социальную стратификацию [Мелларт, 1982: 112-117; Дьяконов, 1982(1): 15; Черных, 1988: 49].

Если бы мы попытались подправить концепцию ближневосточной прародины,[3] сместив прародину в те области Месопотамии, где упомянутые достижения к тому времени уже, как будто, должны были появиться, встанет вопрос о морозе, берёзе, буке, дубе и других явлениях «коррелирующих направление поисков в сторону Закавказья».

Наконец, отсутствуют свидетельства продвижения носителей культуры Халаф, или связанных с таковыми групп населения, как на восток – в Среднюю Азию, так и на запад – на Балканы.

3. **Альтернатива?**

Не соглашаясь с предложенными Т.Гамкрелидзе и В.Ивановым параметрами расположения прародины и направлений миграции, ряд авторов всё же считают возможным принять основные положения реконструкций в области культуры. В основном верным считается вывод о типологической соотнесённости индоевропейской культуры с культурными инновациями предцивилизационного Ближнего Востока: металлургия, колесо, пашенное земледелие, развитое домостроительство [Дьяконов, 1982, (1): 15-18; Сафронов, 1989: 135-154 и далее; Павленко, 1994: 61-62]. Но поскольку археологические данные позволяют говорить о том, что все эти черты в VI — IV тыс. до н. э. были известны на Балканах и в бассейне Дуная, нет необходимости вести индоевропейцев в Европу из Передней Азии.

В Балкано-Дунайском регионе уже в VI-V тыс. до н. э. известна обработка меди и золота, выращивались основные виды зерновых, а также яблоня, вишня, лён, виноград, разводились овцы, козы, коровы, свиньи, строились довольно благоустроенные жилища из дерева и глины. Не позднее первой половины IV тыс. до н. э. к этому прибавляется овладение колесным транспортом. Правда, домашняя лошадь в это время на Балканах не была известна, но в диком виде её здесь вполне могли знать, так что практически весь набор восстанавливаемых Т.Гамкрелидзе и В.Ивановым культурных и отчасти экологических черт оказывается налицо.

Таким образом, вполне вероятным является отождествление первичной индоевропейской языковой общности с какой-либо из балкано-дунайских культурных общностей [Сафронов, 1989: 93-104 и далее; Makkay, 1992; ср. Дыбо, 2013: 99-101], или же со всем этим культурным ареалом в целом [Дьяконов, 1982, (2): 22-24]. Придя из Малой Азии в неолитическое – «дометаллическое» и «доколёсное» – время, предки индоевропейцев уже на месте развили наиболее яркие свойственные им черты культуры, в значительной степени обеспечившие успех в дальнейшем освоении практически всей Европы. Балканская атрибуция прародины в значительной степени упрощает задачу реконструкции древнейших миграций, придавая им более достоверный вид [ср. Мэллори, 1997: 74-77].

Прародина индоевропейцев на Балканах по И.М.Дьяконову (1982) 1- южная граница широколиственных лесов, 2 – южная граница хвойных лесов, 3 – миграции хетто-лувийцев, 4 – движение племён культуры линейно-ленточной керамики и встречные движения европейских аборигенов, 5 – предполагаемое движение носителей пратохарских диалектов, 6 – распространение земледелия и скотоводства (римские цифры обозначают тысячелетия до н.э), 7 – ядро общеиндоевропейского ареала и его растекание

Однако зададимся вопросом: почему, всё же, надо считать, что указанный набор культурных элементов был непременно присущ носителям «праязыка» на их древнейшей прародине? Ответ, казалось бы, ясен: набор лексем, имеющихся во всех или многих языках и.-е. семьи, фонетическая структура которых исключает позднейшее заимствование. Но следует иметь в виду, что фонетические различия между языками должны были возникнуть не сразу после того, как предки их носителей разделились между собой и начали жить и развиваться (в т. ч. в языковом отношении) порознь. Для появления специфических фонетических особенностей, позволяющих современным исследователям отслеживать миграции слов, должно было пройти определённое, быль может, весьма продолжительное время [см. подробнее Конча, 1998]. Вряд ли возможно сомневаться в том, что обмен лексикой между разошедшимися в пространстве группами индоевропейцев происходил не только после, но и до выработки присущих каждой языковой группе *в историческое время (!)* фонетических особенностей. Многие известные языковеды указывали, что исконная (унаследованная от праязыка) лексика будет неотличимой от заимствований периода, который непосредственно следовал за распадом единства [Kretchmer, 1896: 23; Specht, 1944; ср. Порциг, 141-313].

Обратившись к конкретным данным, отметим, что наиболее ранней и наиболее показательной фонетической изоглоссой в индоевропейской области является расхождения в развитии велярных смычных – переход их в щелевые в языках так наз. группы «сатем» и слияние палатальных велярных с заднеязычными (симплевелярными) в языках группы «кентум» [Мейе, 1938: 117-120; Семереньи, 1980: 71-80, 161-165; Откупщиков, 1989: 54 и далее; ИЯ: 407-414]. Происходили соответствующие изменения, по мнению специалистов, не позднее начала II тыс. до н. э. [Порциг, 1964: 117; Семереньи, 1980: 164], и, по всей вероятности, не ранее первой половины III тыс. до н. э. [ср. Георгиев, 1958: 38]. Все прочие доступные наблюдению

фонетические трансформации следует относить к более позднему времени [Порциг, 1964: 100-126]. Исключением являются лишь предполагаемые изменения в развитии ларингальных звуков, рано исчезающих в основной массе и.-е. диалектов и, возможно, некоторые изменения вокализма. Однако эти звуковые изменения изучены пока ещё недостаточно, мнения специалистов на их счёт весьма разнообразны и противоречивы, так что какие-либо кардинальные выводы на их основе были бы преждевременны.

Вывод из сказанного можно сделать следующий. Если этноязыковая индоевропейская общность распалась, как считают многие, около первой половины или середины IV тыс. до н. э., но выделившиеся в результате этого разделения дочерние группы не теряли возможности контактировать между собой (располагаясь, к примеру, на пространстве между Альпами и Чёрным морем, как считал И.Дьяконов), то вплоть до середины или до конца III тыс. до н. э. они могли обмениваться культурной лексикой, которая по фонетическим признакам не будет отличаться от унаследованной.

Отсюда вполне очевидно, что древнейшие носители индоевропейского языка не обязательно должны были находиться в непосредственной близости к центрам возникновения земледелия и скотоводства, овладения металлами и колесом. Совокупность данных позволяет с уверенностью судить лишь о том, что когда все эти явления распространились на области и.-е. диалектов, те (в основной массе) ещё не теряли между собой географической связи и хотя бы время от времени вступали в контакты, приводившие к обмену лексикой.

Данный вывод далеко не нов. Многими исследователями постулировался обмен культурными терминами между и.-е. языками на ранних этапах их обособленного развития [Шрадер, 1886: 44-59 и далее; ср. Порциг, 1964: 160-313]. Многие из тех культурных достижений, о которых ведут речь Т.Гамкрелидзе и В.Иванов, судя по распределению лексики, должны были возникать не в общеиндоевропейскую эпоху, а в условиях уже обособившихся локальных ареалов [Порциг, 1964: 229-242; Чемоданов, 1962; Широков, 1988; ср. Конча, 1998].

Уточняемые в настоящее время глоттохронологические расчёты, по мнению ряда авторов [ср. Старостин, 1989; Gray, Atkinson, 2003], указывают, что распад «праязыка» должен был состояться уже в V тыс. до н. э. или ранее. В этом случае индоевропейскую общность становится просто невозможно отождествить с какой-либо культурой пашенных земледельцев, обладающих колёсным транспортом, по причине отсутствия в указанное время таковых достижений на всей планете. Единственной альтернативой оказывается допущение распространения данных культурных явлений и соответствующей терминологии путём заимствований между обособившимися и.-е. языками (группами диалектов).

Если в VI тыс. до н. э. мы ещё не обнаруживаем изделий из золота и меди, пашенного земледелия, колёсного транспорта, разведения лошадей, если в V тыс. до н. э., некоторые из этих явлений известны, но практически не встречаются в рамках одних и тех же культур, то во второй половине IV и в III тыс. до н. э. указанные явления распространяются уже довольно широко, в том числе фиксируясь от Северного моря до Нижней Волги и Кавказа. Распространившиеся тогда же на этом же пространстве погребения вождей и воинов (с богатым инвентарём и оружием) указывают на появление определённой социальной стратификации. Следовательно, словарь индоевропейской культуры в его корреляции с археологическими данными не исключают вероятности размещения прародины, как в Причерноморье-Поволжье, так и на севере Центральной Европы.

Но откуда же, в таком случае, берётся столь категорическая уверенность в типологическом тождестве общеиндоевропейской культуры с ближневосточными протоцивилизациями, заставляющая многих авторов искать прародину как можно ближе к последним?

Весь фокус как раз и состоит в построенной Т.Гамкрелидзе и В.Ивановым схеме миграций индоевропейских диалектов. Таковая устраняет возможность обмена лексикой (и вообще контактов между ними) за период между исходом с прародины (около средины IV тыс. до н. э.) и приходом носителей большинства диалектов (языков) в Европу около рубежа III-II тыс. до н. э. – т. е. как раз в то время, когда упомянутые культурные достижения распространялись в средней полосе Европы.

Как мы уже видели, согласно этой схеме не позднее рубежа IV-III тыс. до н. э. «древнеевропейцы» находились где-то в восточном Казахстане, индоиранцы – на юге Средней Азии, протоармяне – в Закавказье, а праэллины осваивали Эгейский бассейн. Понятно, что вероятность контактов между всеми этими взаимоудалёнными ветвями сводится к нулю. Следовательно, любое слово, общее для одного из «европейских» и греческого, одного из «европейских» и армянского, одного из «европейских» и арийского, могло быть только общеиндоевропейским, т. е. вынесенным с прародины. Более того, общеиндоевропейскими следовало бы признать слова общие для греческого и арийских, греческого и армянского.

Однако упомянутая схема расположения диалектов, не основывается на надёжных аргументах и вполне правомерно не пользуется признанием. Большинство авторов, в том числе, признающие реконструкции Т.Гамкрелидзе, В.Иванова в области культуры, локализуют совокупность разделившихся индоевропейских диалектов между Средним Дунаем и Днепром или между Альпами и Волгой.[4] Принятие этой локализации означает, что между разделившимися ветвями были возможны и даже неизбежны разнообразные связи и взаимовлияния, происходившие на протяжении IV-III тыс. до н. э. Эти связи должны были прерваться лишь после того, как предки арийских народов Индии и Ирана, окончательно утратив территориальную связь

с прочими и.-е. группами, оказались далеко на востоке.

Признание этих контактов оставляет место допущению что терминология, связанная с колёсным транспортом, металлообработкой, земледелием и т. д. могла распространяться среди разных индоевропейских групп во второй половине IV и в III тыс. до н. э. Часть терминов могла распространиться и позже, ведь не все соответствующие лексемы равномерно представлены во всех и.-е. языках, включая индоиранские, и не все содержат велярные звуки, служащие надёжным хронологическим индикатором.

Таким образом, исключая из своих построений предложенную Т.Гамкрелидзе и В.Ивановым «экстравагантную» схему, исследователь неизбежно должен поставить под сомнение и тезис о «типологической соотнесённости» общеиндоевропейской культуры с высоким уровнем ближневосточных (а также и балканских) культур VI — IV тыс. до н. э.

4. **Контакты с языками других семей**

Одним из наиболее показательных аргументов в пользу соотнесённости прародины с Передней Азией являются следы межъязыковых контактов, обнаруживаемые в лексическом составе индоевропейского словаря, а также в ряде языков Ближнего Востока и Закавказья. Авторы насчитывают около двадцати надёжных заимствований из семитского в общеиндоевропейский (принимая с незначительными изменениями список В.Иллича-Свитыча) [Иллич-Свитыч, 1964; ИЯ: 872-875], примерно столько же обнаруживается древних лексических проникновений из индоевропейского в картвельский [ИЯ: 877-879]. Не позднее рубежа IV-III тыс. до н. э. имели место также проникновения в общеиндоевропейский язык из шумерского и из индоевропейского в эламский, хурритский и хаттский [ИЯ: 876, 882-883]. Таким образом, прослеживается широкая панорама перекрестных взаимовлияний, в которой индоевропейский праязык выглядит, казалось бы, органичным звеном.

О надёжности приводимого Т.Гамкрелидзе и В.Иванова написано немало критических откликов. Но если всё-таки согласиться с тем, что приводимый авторами материал, при всех необходимых уточнениях, отображает некую реальность [ср. Климов, 1994; Старостин, 2007], в распределении этого материала нельзя не заметить немало странного. При многочисленности проникновений из семитского в индоевропейский и из последнего в картвельский, заимствования из индоевропейского в семитский единичны,[5] проникновений же из картвельского в и.-е. не отмечается совершенно. Из семитского в индоевропейский проникли почти исключительно термины культуры, тогда как проникновения из и.-е. в картвельский демонстрируют широкий спектр значений, включающий базовую, экологическую, культурную лексику. Некоторые культурные термины проникли в индоевропейский из шумерского, при полном отсутствии обратных и.-е. – шумерских корреспонденций. Последнее, конечно, не удивительно, однако при этом имеется немало заимствований из общеиндоевропейского языка в эламский, хотя Элам находился несколько дальше от предполагаемого древнейшего ареала индоевропейцев, чем Шумер. Обратные проникновения из эламского в индоевропейский, опять же, отсутствуют.

Таким образом, получается, что индоевропейцы эпохи ИЕО много и активно влияли на картвелов, эламитов, хурритов, практически не испытывая обратных воздействий с их стороны, сами же, наоборот, – находились под сильным влиянием семитов и шумеров, при этом на них не влияя[6].

Конечно, всё это можно было бы как-то объяснить специфичностью исторических взаимоотношений на предцивилизационном Ближнем Востоке, если бы не фактор всеохватывающей индоевропейской экспансии. У тех же Т.Гамкрелидзе и В.Иванова обобщён материал, указывающий на воздействие носителей древних индоевропейских диалектов на обширные пространства от Северной Европы и Урала [ИЯ: 921-931] до Китая и от Сибири до Элама. Такое распространение индоевропейского языкового и культурного влияния, в общем-то, естественно, учитывая распространение в Евразии индоевропейских языков. Однако в свете предположения о древнейшем центре всех этих мощных индоевропейских миграций на Ближнем Востоке, весьма странно, что именно ближайшие соседи этого центра – семиты практически не испытали языкового и культурного влияния с их стороны.

События истории Месопотамии и Сирии III – начала II тыс. до н. э., по сравнению с другими частями мира тех времён, на сегодня могут считаться изученными довольно неплохо [ИДВ]. Но, как известно, места для какой-либо индоевропейской ветви в этой истории не оказывается. Получается, что, испытывающие постоянную склонность к безудержным миграциям, освоившие и заселившие половину Евразии, воинственные индоевропейские племена тщательно обходили стороной непосредственно прилегающие с юга к их исконной территории регионы, хотя ни горы, ни реки, ни климатические условия не были и не могли быть препятствием для их проникновения туда.

Конечно, можно предположить, что в ходе попыток движения на юг индоевропейцы столкнулись с конкуренцией со стороны более успешных и более приспособленных к местным условиям семитских скотоводов, в результате чего были оттеснены обратно на север или же ассимилированы. Однако в таком случае, индоевропейских слов в семитских языках должно было бы найтись больше чем три или четыре – тем более учитывая, что древний семитский материал, представленный аккадскими,

эблаитскими, угаритскими и прочими текстами, известен лучше, чем эламский или хурритский. Таким образом, в свете исторических реконструкций самих же авторов выглядит странным и подозрительным, что таковые проникновения до сих пор не обнаружены.[7]

Странным это всё не будет выглядеть, если признать, что в эпоху и.-е. праязыка никаких индоевропейцев на Ближнем Востоке ещё не было. По всей вероятности, какие-то их ответвления довольно рано (но, скорее всего, не ранее III тыс. до н. э.) проникли в среду хурритских и картвельских племён и оставили здесь своё лексическое наследие. Но судя по тому, что обратных картвельских и хурритских проникновений в индоевропейском нет[8], основная масса индоевропейцев не соседствовала с картвелами и хурритами. Не были индоевропейцы также соседями семитов и шумеров – лексические проникновения из этих языков, видимо, следует считать «бродячими» культурными терминами, которые переходили из языка в язык. К тому же надёжных фактов таких проникновений насчитывается меньше, чем это принимается в ряде работ (см. ниже).

Таким образом, имеем все основания считать, что приведенный в книге Т.Гамкрелидзе и В.Иванова материал по межъязыковым контактам свидетельствует не в пользу, а как раз против размещения прародины индоевропейцев на Ближнем Востоке. Очень может быть, что какие-то группы индоевропейского населения очень рано достигали окраин Ближневосточного региона. Однако если бы индоевропейский язык тысячи лет непрерывно развивался в близком соседстве с семитами, шумерами, картвелами и т. д., распределение лексических корреспонденций было бы иным [ср. Дьяконов, 1982 (1): 27-29].

Но может ли рассматриваемый материал по языковым контактам послужить аргументом в пользу того, что прародина индоевропейцев находилась где-то по соседству с ближневосточным регионом? Именно к этой точке зрения склонялись И.Дьяконов [1982, (2): 22-24], В.Сафронов [1989: 247, 257], Е.Черных [1988: 50-52], С.А.Старостин [1988: 154] и многие другие авторитетные исследователи. В первую очередь на это должны указывать данные о семитских заимствованиях в индоевропейском, неоднократно привлекавшиеся в этом качестве начиная уже с 60-х гг. XIX века [Шрадер, 1886: 152-155; Иллич-Свитыч, 1964: 3].

Однако не кто иной, как И.М.Дьяконов, будучи весьма известным специалистом по древним семитским языкам, подверг приводимый в трудах Т.Гамкрелидзе, В.Иванова и в более ранней статье В.Иллича-Свитыча список предполагаемых семитских заимствований основательной критике [Дьяконов, 1982, 1: 20-25]. Руководствуясь семантическими и фонетическими соображениями, И.Дьяконов категорически отверг такие сопоставления: и.-е.*(H)aster ‘(утренняя) звезда’ ~ сем. *attar ‘богиня’ (‘богиня любви’?), и.-е. *klahu- ‘ключ’ ~ сем. *kl- ‘запирать’, ‘удерживать’, и.-е. *sept-em ‘семь’, ‘семёрка’, ~ сем. *šbʿ или *šibʿat ‘то же’, и.-е. *dap- ‘жертвенный пир’ ~ сем. *dibh- ‘жертва’, и.-е. *(H)alut- “хмельной напиток”, “пиво” ~ сем. Hlu ‘сладкий напиток’, и.-е. *nahu ‘судно’, ‘сосуд’ ~ сем. *nw или *uni-at- ‘судно’, ‘сосуд’, и.-е. *ag^{h}no- “ягнёнок” ~ сем. *igl “телёнок”, и.-е. *b^{h}ars ‘обмолоченное зерно’ ~ сем. *barr ‘то же’, и.-е. *g^{u}ern ‘жёрнов’ ~ сем. *gurn ‘гумно’, и.-е. *med^{h}u- ‘мёд’, ‘медовый напиток’ ~ сем. *mtq ‘сладкий’.

Сомнительными кажутся автору и прочие сопоставления; из более-менее надёжных оставлены только *g^{h}eid ‘ягнёнок’, *tauro- ‘бык’, *d^{h}ohna ‘хлеб’, ‘злаковое растение’, *hand^{h} ‘растение, употребляемое в пищу’. При этом фонетика указанных слов не исключает их проникновения как из семитского в и.-е., так и обратно; не менее вероятной представляется автору возможность проникновения в семитский и и.-е. из какого-то третьего языка (языков?) [Дьяконов, 1982 (1): 25]. Следует также учесть, что слова *g^{h}eid- и *tauro- ограничиваются «древнеевропейским» («западным») кругом языков, а *hand^{h}- и *d^{h}ohna, наоборот, имеют, распространение на востоке, не встречаясь на западе [ИЯ: 872-873]. То же можно сказать и о некоторых других словах, нередко относимых к древним семитским заимствованиям: *sek^{h}ur- ‘топор’, *ag^{h}no- ‘ягнёнок’ распространены в «европейском» ареале, *peleku- ‘топор’, *gam- ‘женитьба’ – в «греко-арийском» и т. п. Всё это может говорить о том, что семитско-индоевропейские контакты имели место не в эпоху ещё нерасчленённого и.-е. праязыка, а позднее. Время, место и обстоятельства этих контактов предстоит ещё установить, хотя вполне очевидно, что имеющийся материал не даёт указаний на их длительность и непосредственность, относясь, по всей вероятности, к категории «мигрирующей» культурной лексики.

Ярким примером такого рода лексем может послужить слово *uein- ‘вино’, которое, по мнению И.Дьяконова, могло быть заимствовано западными семитами из раннегреческих диалектов в начале II тыс. до н. э. [Дьяконов, 1982, (1): 23-24], лишь позднее проникнув в Месопотамию, на Кавказ и в Африку. К характеристике контактов уровня праязыка, слово, следовательно, не имеет отношения.

Подвергает сомнению И.Дьяконов и предполагаемые заимствования из шумерского и.-е. слов: *d^{h}uer- ‘двор’, ‘двери’, *agro- ‘поле’, *g^{u}ou ‘бык’, *reud^{h}- ‘руда’, ‘медь’ и прочих. Вопрос о предполагаемых и.-е. — эламских корреспонденциях требует дальнейшего изучения, однако убедительных сопоставлений не видит автор и здесь [Дьяконов, 1982, (1): 26-27].

Остаются индоевропейские проникновения в картвельском и хурритском. Однако вполне очевидно, что даже если их древность и многочисленность подтвердятся,[9] они никоим образом не могут послужить доказательством размещения прародины индоевропейцев в непосредственном соседстве с Передней Азией (например, на Северном Кавказе), говоря лишь о наличии в этих языках индоевропейского адстрата [ср. Сафронов, 1989: 258-265], попавшего туда едва ли ранее III тыс. до н.

э. из неизвестного нам пока центра.

5. **Прародина и система согласных**

Индоевропейско-картвельские языковые отношения занимают настолько важное место в системе построений Т.Гамкрелидзе и В.Иванова, что на них следует остановиться особо. Помимо отмеченных лексических заимствований, общеиндоевропейский и картвельский языковый строй объединяет, как будто, также определённый фонетический и грамматический изоморфизм, свидетельствующий, по мнению авторов, о тесном соседстве двух языков в ранний период их развития. С этим вопросом связан и последний (точнее, он-то как раз и послужил отправным) принципиальный аргумент Т.Гамкрелидзе и В.Иванова в пользу прародины на Ближнем Востоке.

Изучая фонетическое устройство разных языков мира, авторы ещё в 1970-х годах пришли к выводу о типологической маловероятности традиционной реконструкции системы общеиндоевропейских смычных:

(b) b^h p (p^h)

d d^h t (t^h)

g g^h k (k^h)

g^u g^{hu} k^u (k^{hu})

для которой простой звонкий смычный ‘b’ (очень распространённый в реально засвидетельствованных языках) а также серия глухих придыхательных почти не восстанавливаются (взятие в скобки указывает на их условность). Путём сложных умозаключений исследователи приходят к выводу, что на месте постулируемой обычно простой звонкой серии в праязыке существовала особая *глоттальная* серия звуков (произносимых при участии гортанной смычки и реконструируемых для пракартвельского состояния) [Гамкрелидзе, Иванов, 1972, 1980]. Авторы восстанавливают следующий набор, который делает индоевропейскую систему согласных подобной прасемитской и пракартвельской [ИЯ: 6-17]:

(P’) b^h p^h

T’ d^h t^h

K’ g^h k^h

Восстановление глоттальной серии на месте звонкой простой объясняет отсутствие b, поскольку соответствующий ему глоттальный P’ труднопроизносим и, как правило, отсутствует в языках, обладающих глоттальной серией. Звуки, которые обычно реконструируются как глухие простые, в действительности были придыхательными (аспирированными).

Главный недостаток этих построений состоит в том, что ни один из реально засвидетельствованных и.-е. языков не обнаруживает глоттальной серии (за исключением некоторых признаков этого явления в армянских диалектах). Однако в ряде языков – армянском, германском, тохарском, а также в языках анатолийской группы отсутствует и.-е. звонкая простая серия, а на её месте выступает простая глухая. Если большинство исследователей оценивает этот факт как вторичную утрату звонкой серии, то, по мнению Т.Гамкрелидзе и В.Иванова, это должно говорить об архаичности фонетики упомянутых языков, так как глоттальная серия по своей природе не могла быть звонкой, а была ближе к глухой [ИЯ: 13 и далее]. Последнее подаётся как ещё один аргумент в пользу реконструкции глоттальной серии.

К этим построениям добавляются отмеченные рядом исследователей (Г.И.Мачавариани, И.Г.Меликишвили и др.) черты сходства в грамматике индоевропейского и картвельского, что позволяет авторам сделать следующее заключение: «*Такое сходство… могло быть результатом длительного взаимодействия этих языков в пределах определённого ареального единства – союза языков – и вступления их в аллогенетические взаимоотношения друг с другом*» [ИЯ: 871].

Иными словами, индоевропейский и картвельский праязыки должны были близко соседствовать и длительное время взаимно влиять друг на друга. Странно, однако, что общей лексики «праязыкового уровня», которая в данной ситуации неизбежно должна была бы проникать по обе стороны языковой границы, авторы практически не обнаруживают. *Почти все* и.-е. – картвельские корреспонденции, о которых речь шла выше, *проникли из тех диалектов, которые озвончили глоттальную серию* [ИЯ: 877-880] *и утратили придыхательность глухой аспирированной* [ср. Дьяконов, 1982, (1): 19-20; Климов, 1994: 49-162]. Заимствования, таким образом, должны относится к периоду, когда глоттальная серия была уже утрачена во всём и.-е. ареале, а диалекты, составившие основу тохарского, анатолийских, армянского и германского языков – т. е. не развившие звонкой серии – должны были, так или иначе, отделиться от основной массы носителей и.-е. языка. Та праязыковая эпоха, для

которой, собственно, и постулируется фонетический изоморфизм с картвельским, к этому времени осталась в глубоком прошлом.

То есть, получается, что в те времена, когда картвельский и общеиндоевропейский находились в состоянии языкового союза («аллогенетического родства»), лексических заимствований между ними практически не происходило[10]. Когда же часть и.-е. диалектов существенно отдалилась от системы ближневосточного (и картвельского) типа, то именно из этих диалектов заимствования щедро полились в картвельский (и не наоборот!).

Едва ли следует подробнее останавливаться на исторической неправдоподобности подобного сценария. Как уже сказано выше, древние и-е. лексические проникновения могут быть объяснены индоевропейским адстратом (субстратом?), появившемся в картвельском около III тыс. до н. э. Вопрос о вероятности каких-то особенно близких отношений между картвельским и индоевропейским «праязыками»[11] остаётся открытым.

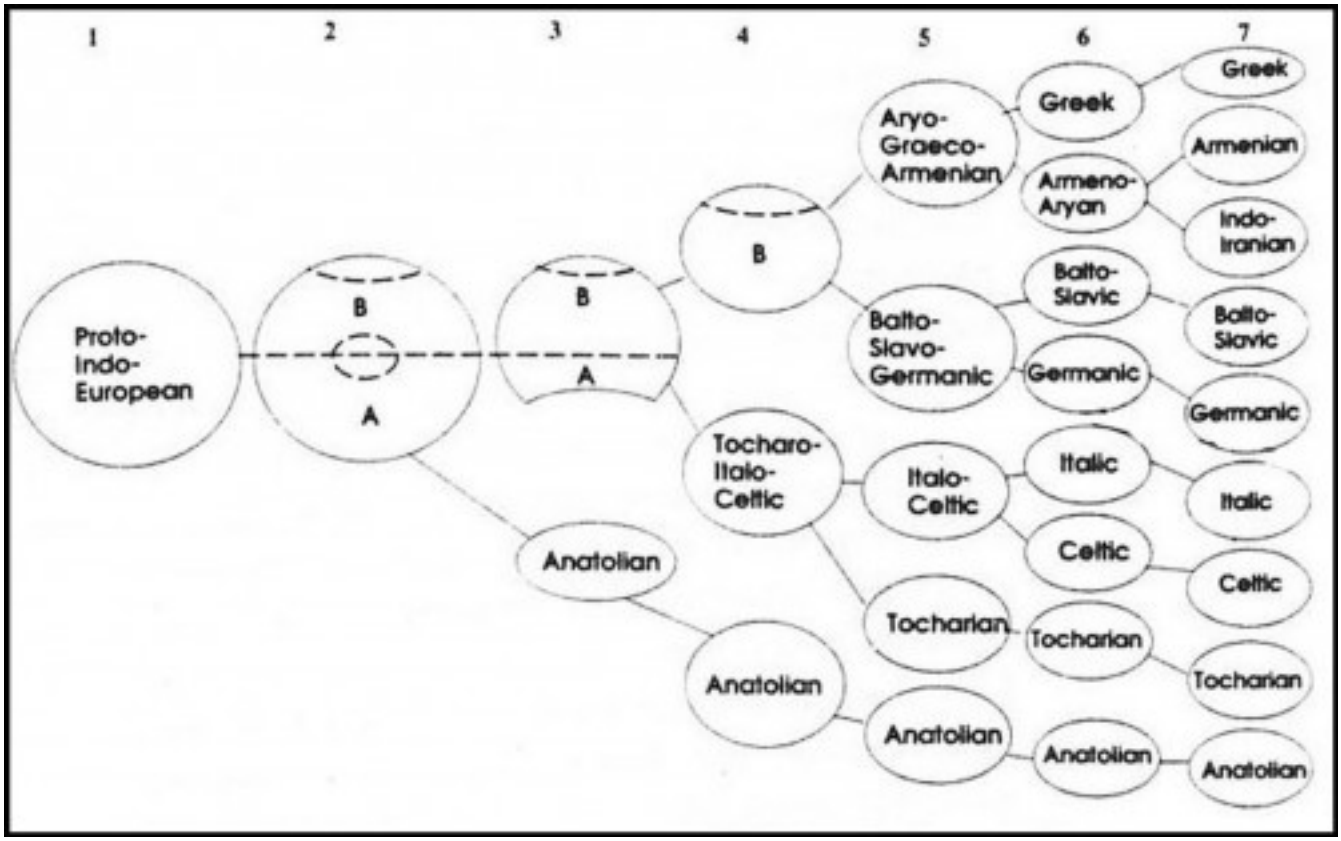
Возвращаясь к «глоттальной» гипотезе Т.В.Гамкрелидзе – В.В.Иванова и их реконструкции индоевропейских смычных, обратим внимание также на следующее обстоятельство. Утрата глоттальной серии и выработка частью диалектов простой звонкой серии должны были происходить, согласно построениям авторов, в эпоху пребывания индоевропейцев на их прародине. Индоевропейцы ещё не совершили длительных миграций, не поменяли состав своего окружения и не подверглись влиянию тех языков, которые имели фонетические системы существенно отличные от картвельской и семитской (например, уральских). Чем же объяснить, что часть и.-е. диалектов резко отошла от исконного состояния ближневосточного типа, выработав существенно иную фонетику? И если подобные глобальные изменения могли происходить вне зависимости от переселений и внешних влияний, то как это соотнести с убеждённостью авторов, в том что наличие глоттальной серии смычных в языке указывает на ближневосточное расположение его носителей?

При ответе на последний вопрос следует принять к сведению, что если мы согласимся с какой-либо из гипотез, размещающих прародину индоевропейцев на Ближнем Востоке, Кавказе или в Средней Азии, то доиндоевропейская Европа в лингвистическом отношении окажется почти абсолютным белым пятном. А, следовательно, уверенности в том, что в этой доисторической, «допалеометаллической» Европе не могли проживать племена, имевшие в составе своей речи глоттальные звуки, быть не может. Поэтому, даже если бы удалось доказать, что индоевропейская глоттальная серия вполне достоверна (пока же это не более чем предположение), данное обстоятельство все равно нельзя было бы считать весомым аргументом в пользу расположения прародины в Передней Азии (или где-то по соседству).

6. **Деривационная схема и её верификация**

Значительное внимание в своём труде Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванов уделяют вопросам распада индоевропейского единства, особенностям и последовательности обособления отдельных языковых групп. В целом предложенная в 1-ом томе схема этих процессов [ИЯ: 371-416] вполне согласуется с подобными разработками ряда других авторов [Порциг, 1964; Горнунг, 1964; Савченко, 1974; Широков, 1988; см. подробнее об этом Конча, 2001].

Наиболее ранним событием процесса дифференциации («деривации») было отделение хетто-лувийской группы. Затем оставшийся диалектный массив разделяется на зоны А и В – у других авторов соответственно: «западный» и «восточный» ареалы. На определённом этапе происходит сближение части обоих ареалов, в результате чего образуется «древнеевропейский» языковой союз, о составе которого уже сказано выше. Основное отличие схемы Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванова от построений большинства других авторов заключается в том, что прототохарские диалекты считаются вышедшими из А (= западного) ареала, а протогерманские из В (= восточного). В остальном состав обоих ареалов и последовательность дальнейшей дифференциации соответствует взглядам большинства прочих исследователей (в данном случае, мы, конечно, оставляем в стороне конкретно-географический фон).

Деривационная схема развития индоевропейской языковой семьи по Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванову.

Диалекты, составившие основу тохарского, прежде чем окончательно отделиться, на некоторое время сближаются с диалектами ареала В. После выделения из этой зоны тохарского, греческого и германского диалектов, в ней начинаются фонетические процессы, ведущие к спирантизации велярных («сатемизации»). Ещё раньше в части диалектов имел место процесс озвончения когда-то утраченной серии глоттальных смычных – это явление охватило почти полностью ареал А (после отделения тохарского) и бóльшую часть ареала В (за исключением германского и армянского).

Поскольку, как мы видели выше, от последовательности языковых изменений и развития диалектных фонетических особенностей прямо зависят вопросы реконструкции древнейшего культурного состояния и хронология межъязыковых контактов, авторы вынуждены исходить из положения, что все эти процессы развивались, пока индоевропейцы находились ещё на прародине. То есть, все основные грамматические и фонетические изменения, которые имели место в истории индоевропейского языка, включая стадию его ранней диалектной дифференциации, произошли ещё до начала процесса миграций всё там же на Армянском нагорье, тогда как упомянутые выше головоломные перемещения конца IV – начала II тыс. до н. э. заметными изменениями не сопровождались. Однако и исторические параллели и элементарнейшая логика подскажут нам, что углубление языковых различий есть следствие территориального и этносоциального (племенного) размежевания общности носителей языка.[12]

Как бы там ни было, но с прародины двинулись уже не носители диалектов индоевропейского языка, а почти сформировавшиеся в языковом отношении (хотя и «ранние») греки, иранцы, тохары, германцы и прочие. Из построений авторов следует, что в составе «древнеевропейской» группы, двинувшейся через Иран и Среднюю Азию на юг Сибири и не позднее начала III тыс. до н. э. вышедшей к Северному Причерноморью, были выходцы из обоих древнейших ареалов – А и В. Был представлен здесь диалект (язык?), сохранявший древнее «постглоттальное» состояние (прагерманский), были и диалекты, осуществившие спирантизацию велярных (балто-славянские). Как ни странно, длительные совместные миграции, тесное соседство и взаимодействие в степях, о чём свидетельствует общая лексика, не привели к взаимной ассимиляции или хотя бы к выравниванию фонетических различий между кентумными и сатемными диалектами, озвончившими глоттальную серию и неозвончившими. Ещё более странно, что лексика, относимая к «общеевропейской», которая должна была бы в данной ситуации иметь чёткие признаки заимствований, таковых не обнаруживает [ИЯ: 422, 943].

Не позднее рубежа III – II тыс. до н. э. носители древнеевропейских диалектов (языков) должны были продвинуться далеко вглубь Центральной Европы. Как бы ни трактовали авторы их передвижения, из исторических и археологических данных известно, что в I тыс. до н. э. наиболее западное положение (из известных нам языковых групп) занимали кельты, с северо-востока к ним примыкали германцы, соседствовавшие далее на востоке с балтами, а те, в свою очередь, с праславянскими племенами, примыкавшими к с юга или юго-востока [ср., в частности, ИЯ: 427]. Праславяне должны были контактировать с

северными иранцами (скифо-сарматами и их предшественниками) к северу от Чёрного моря [Барроу, 1976: 25-26; Эдельман, 2002: 145-192; Георгиев, 1958: 136, 274].

Историческая картина расселения этих индоевропейских ветвей весьма близка схеме языковых отношений, восходящих отчасти к древнейшему периоду языковой дифференциации. Эти отношения восстанавливаются на основе сравнительного анализа грамматических явлений и моделируются, в частности, схемой, отображающей так называемую «теорию волн» Й.Шмидта [Шрадер, 1886: 100-111; Широков, 1988: 43-47].

Связи и взаимное размещение индоевропейских диалектов на этапе распада языковой общности согласно теории волн Й.Шмидта (в интерпретации О.Широкова, 1988)

Согласно этой схеме, кельты, будучи тесно связаны с италийцами, одновременно тесно примыкали к германцам, которые издревле имели связь с балто-славянской областью, в свою очередь связанной, по многим показателям, с индоиранцами. К древним областям расселения последних должны были некогда тесно примыкать области праэллинов и прармян. Из предложенной некогда Й.Шмидтом модели только одно звено не выдержало проверки временем – предполагалось, что прагреческие диалекты имели тесную связь с италийскими, как бы замыкая с юга языковую непрерывность индоевропейского ареала. Последнее не подтвердилось, но в остальном большинство исследователей, так или иначе, соглашаются с обозначенной схемой. В своё время даже открытие тохарских и анатолийских языков, внеся некоторые коррективы, не смогло её принципиально изменить.

Фактически признают соответствующую модель отношений внутри и.-е. семьи Т.Гамкрелидзе и В.Иванов. Они, правда, не говорят о связи кельто-италийцев с германцами на начальных этапах дифференциации, последовательно обходя вниманием далеко не малочисленные [Порциг, 1964: 160-190; Чемоданов, 1962: 85-105] свидетельства в пользу таковых. Зато авторы признают, что древние (доисторические) специфические лексические связи у балто-славян были не только с иранцами, но и с индоариями, для чего приходится постулировать миграцию последних с юга через Кавказ в степи [ИЯ: 917-919; 947]. Здесь индоарии должны были встретиться не только с балто-славянами, вышедшими из того же ареала В, что и арии, но со своими ближайшими родственниками иранцами, двинувшимися туда же, но в обход Каспийского моря, т. е. следуя путями уже пройденными «европейцами».

Таким образом, мы сталкиваемся с парадоксальным явлением: совершив немыслимо сложные миграции, пройдя пустыни Азии и лесостепи Украины, продвинувшись долиной Дуная в глубины Европы, представители европейских ветвей расположились на своей новой родине примерно в том же порядке, на который указывает схема древнейшего диалектного

членения, произошедшего, согласно авторам, ещё в Закавказье. Группы индо- и ираноариев, которые продвинулись на север, оторвавшись от основной массы своих сородичей в Иране, дополнили картину, почти полностью восстановив схему Й.Шмидта. Носители «сатемных» диалектов (фракийцы, балто-славяне, северные иранцы, индоарии), двигавшиеся по направлению к северу в разное время разными путями (через Балканы, через Центральную Азию, через Кавказ), удивительным образом сошлись и оказались на новых территориях соседями. Мигрируя перед этим в пёстром смешении с «кентумными» группами ни одна «сатемная» группа не попала в Западную Европу, тогда как все «кентумные» ветви, пройдя через Причерноморье, затем дружно удалились на запад, ни одна из них остаться в восточной части Европы почему-то «не пожелала».

Все эти несуразности настолько очевидны, что поверить подобным построениям может либо полный дилетант, либо тот, кто слепо принимает на веру одни лишь выводы, не задумываясь, из чего они вытекают.

Картина диалектного членения индоевропейской области в её соотношении с исторически зафиксированным положением языковых групп для многих авторов служит убедительным подтверждением того, что даже если индоевропейцы были пришлыми в Европе, распад их языкового единства должен был начаться только после прихода сюда.

Вариант возможного расположения ранних индоевропейских языков в Европе около III тыс. до н.э. (по В.Георгиеву, 1958)

Едва ли правомерным будет также считать, что греки, армяне, фригийцы, несмотря на своё несколько обособленное положение, отделились ранее других (т. е. в нашем примере – ранее прихода индоевропейцев в Европу). Также и тохары, если верна мысль о первичности их связи с кельто-италийской группой диалектов, при наличии специфических связей с балто-славянами и праармянами, должны были отделиться от других индоевропейцев не ранее, чем обозначилась специфика «восточного» круга диалектов и уже наметились различия между греко-арийской и балто-славянской его частями [Бенвенист, 1959; Порциг, 1964: 269-277 и выше]. Последнее, учитывая западные связи балто-славян, опять же должно было иметь место уже в Европе. Более раннее обособление, которое теоретически могло иметь место и за пределами Европы, на сегодняшнем уровне знаний можно признать только за хетто-лувийцами.

Таким образом, область дифференциации основного массива носителей и.-е. едва ли могла находиться где-то вне Европы – именно тех её частей, которые лежат на пространстве между Северным, Балтийским, Чёрным и Каспийским морями. Приходиться признать, что нет альтернативы размещения в данной области прародины индоевропейцев, во всяком случае, *вторичной* прародины большей части их ветвей [13].

Возвращаясь к построениям Т.Гамкрелидзе и В.Иванова, следует отметить и ряд нестыковок их схемы дифференциации с их же системой хронологии. Так, по их данным выходит, что индоиранское единство должно было распасться не позднее IV тыс. до н. э. [ср. ИЯ: 917]. Но в таком случае получается, что оно почти такое же древнее, как и сама индоевропейская общность [ИЯ: 863-865]. Остаётся неясным, как вписать это неожиданное обстоятельство в общую схему языковой деривации?

Не менее недоумённых вопросов вызывает реконструкция авторами древнейших страниц истории греков, армян, индоариев, южных иранцев, хеттов. Специальное внимание этим ветвям индоевропейцев и их взаимоотношениям с соседями уделил в своей критической статье И.М.Дьяконов, хотя ему удалось осветить далеко не все возникающие при таком подходе вопросы. Впрочем, сказанного вполне достаточно, чтобы убедиться: к исторической реконструкции прошлого индоевропейцев как к таковой, построения Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванова имеют весьма слабое отношение. По сути, авторы не производят последовательной реконструкции, а лишь декларируют те или иные положения, при этом зачастую опираясь на неоднозначные и сомнительные данные. При этом они часто далеки и от исторической логики и от внутреннего согласования своих же собственных многочисленных гипотез и предположений.

Объясняются все эти странности отнюдь не слабостью авторов концепции как специалистов, просто они сами себя постоянно загоняют в безвыходное положение, стремясь согласовать сумму лингвистических и археологических фактов с заведомо плохо согласующейся с этими фактами идеей ближневосточной прародины.

* * *

Многие археологи и историки, интересующиеся смежными вопросами, не приемля миграционных построений авторов и конкретных археологических привязок, полагают при этом, что в двух объёмных томах их труда содержится масса фактов, так или иначе свидетельствующих в пользу расположения древнейших индоевропейцев в районе Ближнего Востока. Сказанное выше позволяет утверждать: таких фактов в книге Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванова нет. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что наиболее показательная ценность их труда состоит именно в том, что, приложив массу усилий для нахождения данных в пользу прародины индоевропейцев на Ближнем Востоке, два высококлассных специалиста в области истории языков и культуры, вопреки их собственной в том уверенности, этих данных так и не смогли обнаружить.

Алёкшин В.А. В поисках индоевропейской прародины. Между Сциллой археологии и Харибдой лингвистики. // Проблемы археологии. Вып. 4. Спб. 1998. С. 86-100.

Барроу Т. Санскрит. (Перевод с англ.: London, 1955). М: Прогресс, 1976.

Бенвенист Э. Тохарский и индоевропейский. Перевод с франц. (1936) // Тохарские языки. М.: Иноиздат, 1959. С. 90-108.

Васильев И. Б., Синюк А. Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. — Куйбышев: Изд. Куйб. пед. ин-та, 1985.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Лингвистическая типология и реконструкция системы индоевропейских смычных // Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12-14 дек.). Предварительные материалы. М., 1972.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Реконструкция системы смычных общеиндоевропейского праязыка. Глоттализованные смычные в индоевропейском // Вопросы языкознания. — № 4. — С. 21-35.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема // Вестник Древней Истории. — 1980. — № 3. — С. 3-27.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Миграции племен носителей индоевропейских диалектов с первончальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // Вестник Древней Истории. — 1981. — № 2. — С. 11-33.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I-II. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. К проблеме прародины носителей родственных диалектов и методам их установления

// Вестник Древней Истории. № 2. 1984. С. 107 – 122.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейская прародина и расселение индоевропейцев: полвека исследований и обсуждений // Вопросы языкового родства. № 9. 2013. С. 109-136.

Георгиев В. И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. Родственные отношения индоевропейских языков. М.: Иностранная литература, 1958.

Гиндин Л. А. Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы и «карта предполагаемых прародин шести ностратических языков» // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 55-59.

Григорьев С. А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск, 1999.

Даниленко В. Н. Энеолит Украины. К.: Наукова Думка, 1974.

Дыбо В. А. Диалектное членение праиндоевропейского по акцентологическим данным // Вопросы языкового родства. № 9. 2013. С. 93-108.

Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // Вестник Древней Истории. (1): № 3. С. 3-30; (2): № 4. С. 11-25.

ИДВ — История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладесьческой цивилизаци. Ч.1. Под ред. И.М.Дьяконова. М.: Глав. Ред. Восточной лит-ры, 1983 Ч.2. Под ред. Г.М.Бонгард-Левина. М.: Глав. Ред. Восточной лит-ры, 1988.

Клейн Л. С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб, 2007. [Электронный ресурс: http://lavka.archaeology.ru/Download/ Klejn/Klejn_2007_Drevnie_migratsii]

Клейн Л. С. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб.: Евразия, 2010.

Климов Г.А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1994. 2-е изд.: М.: Книжный дом «Либроком», 2010.

Конча С. В. Проблема спільноіндоєвропейської культурної термінології // Мовознавство. № 1. 1998. С. 54-62.

Конча С. В. "Індоєвропейсько – північнокавказькі відносини найдавнішої пори" // Мова та історія. Вип. 50. К., 1999. С. 14 – 21.

Конча С. В. Диференціація індоєвропейської спільноти // Магістеріум. Випуск 6: Археологічні студії. Київ, 2001. С. 57-63.

Лелеков Л. А. К новейшему решению индоевропейской проблемы // Вестник Древней Истории. № 3. 1982. С. 31-37.

Массон В. М. Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. С. 9-92.

Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. Перевод с англ. (London, 1965). М.: Наука, 1982.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.

Мерперт Н.Я. Энеолит СССР и евразийские степи // Энеолит СССР. М.: Наука., 1982. С. 321-331.

Мэллори Дж. П. Индоевропейские прародины // Вестник Древней Истории. 1997. № 1. С. 61 – 82.

Откупщиков Ю.В. Ряды индоевропейских гуттуральных // Актуальные вопросы српавнительного языкознания. Л.: Наука, 1989. С. 39-69.

Павленко Ю. В. Передісторія давніх русів у світовому контексті. К.: Феникс, 1994.

Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. / Перевод с нем. (Heidelberg, 1954). М.: Прогресс, 1964.

Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М: Высшая школа, 1974.

Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-вятское книж. изд-во, 1989.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание / Пер. с нем. изд. 1970 г. М.: Прогресс, 1980.

Старостин С. А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 112-163.

Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1989. Т.1. С. 3-39.

Старостин С.А. Труды по языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2007.

Хоппер П. Дж. Типология праиндоевропейского набора сегментов. Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21. М.: Прогресс, 1988 — С. 160-172.

Чемоданов Н. С. Место германского языка среди других индоевропейских языков // Сравнительная грамматика германских языков. — М.: ИАН. Т. I. 1962. С. 19-113.

Черных Е. Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток. Этнокультурные связи. М.: Наука, 1988. С. 37-57.

Широков О. С. Реконструкция праязыковых изоглосс общеиндоевропейского диалектного континуума // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. М.: Наука, 1988. С. 43-65.

Шрадер О. Сравнительное языкознание и первобытная история (Перевод с нем.: Iena, 1883). СПб.: Изд. А. Бенке.1886.

Эдельман Д. И. Иранские и славянские языки: исторические отношения. М.: Восточная литература РАН, 2002.

Friedrich P. Review // American Anthropologist, New Series. Blackwell Publishing on behalf of the American Anthropological Association, 1991. В. 93. № 1. С. 226-227.

Gimbutas M. The Indo-Europeans: Archeological problems // American Antropologist. T. LXV. 1963. P. 815-836.

Gimbutas M. The First Wave of Eurasian Steppe Pastoralists into Coper Age Europe // The Journal of Indo-European Studies. Vol. 5. № 4. 1977. P. 277-338.

Gimbutas M. The Kurgan Wave#2 (c; 3400 — 3200 B.C.) into Europe and the Following Transformation of Culture // The Journal of Indo-European Studies. Vol. 8. № 3 & 4. 1980. P. 273 — 315.

Gimbutas M. Primary and Secondary Homeland of the Indo-Europeans. Comments on Gamkrelidze — Ivanov articles // The Journal of Indo-European Studies. Vol. 13. — № 1 & 2. 1985. P. 185-202.

Gimbutas M. The Civilization of the Goddess. San-Francisco: Harper, 1991.

Gray R. D., Atkinson Q. D. Language tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin // Nature. № 426. 2003. P. 435-439.

Kretchmer P. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen: Vandenhoech, 1896.

Makkay J. A Neolithic Model of Indo-European Prehistory // The Journal of Indo-European Studies. Vol. 20. — № 3&4. 1992. P. 193-238.

Mallory J. P. In Search of Indo-Europeans: language, archaeology, and myth. London: Thames and Hudson. 1989.

Renfrew C. Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins. London: Jonathan Cape, 1987.

Sherrat A.G. and Sherrat S. The Archaeology of Indo-Europeans: An Alternative View // Antiquiti. — № 62 (236). — 1988 — P. 584-595.

Specht F. Die Ausbreitung der Indogermanen. Berlin: Walter de Gruyter & Co, 1944.

Zvelebil M. Indo-European Origins and the Argicultural Transition in Europe // Whither archaeology? Papers in Honour of E. Neustupny. Praha, 1995. P. 173 – 203.

[1] Впрочем, совсем недавно, авторы выступили со статьёй, в которой они подтвердили свою приверженность прежней концепции, оставив её почти без изменений [Гамкрелидзе, Иванов, 2013], так что излагаемая ниже критика полностью сохраняет актуальность.

[2] Правда, продуманный, как видим, односторонне – стремясь защитить от критики одни аспекты своей концепции, авторы совершенно упускают из виду другие.

[3] В упомянутой статье 2013 года авторы высказываются в пользу смещения прародины к югу: «С нашей сегодняшней точки зрения она (прародина) располагалась в юго-восточной Анатолии и Северной Сирии, непосредственно к северу от плодородного полумесяца…» [Гамкрелидзе, Иванов, 2013: 109]. Проблема конных колесниц у «нерасчленившихся» индоевропейцев, следовательно, остаётся.

[4] Широко распространено мнение, согласно которому степи Восточной Европы послужили исходной областью миграции ариев на юг и юго-восток, из района Нижнего Подунавья переместились в южную часть Балканского полуострова предки эллинов, со Среднего Дуная двинулись в Италию италийцы и т. д. [ср. Порциг, 1964; Широков, 1988; Гиндин, 1992; Клейн, 2007, 2010; Дыбо, 2013: 101-105 и мн. др.].

[5] Несколько больше заимствований приводит С.Старостин, но не исключает при этом, что слова могли проникнуть из ранних анатолийских (прахетто-лувийских) диалектов [Старостин, 2007: 821-825].

[6] Конечно, нет недостатка в попытках обосновать какие-то архаические индоевропейские проникновения в шумерский, но пока что они находятся в той же категории, что и предположения о картвельском, алтайском, палеоазиатском, австронезийском и т. д. ингредиентах в шумерском. Сами Т.Гамкрелидзе и В.Иванов лишь крайне сдержанно упоминают об этих попытках [Гамкрелидзе, Иванов, 2013: 120]

[7] В упомянутой новейшей работе авторы лишь скупо упоминают список индоевропейско-семитских корреспонденций С.Старостина, упоминая из него только слово *dheghom ‘земля’, как будто бы отобразившееся в имени западносемитского бога Дагона, при том что имеется хеттский теоним *Dagan*-zipa [Гамкрелидзе, Иванов, 2013: 118-119].

[8] Мы здесь исходим из того материала, который обобщён в книге Т.Гамкрелидзе и В.Иванова, вполне полагаясь на их компетенцию в данном вопросе. Относительно предполагаемых С.Старостиным [1988] заимствований из общесеверокавказского в праиндоевропейский см. [Конча, 1999].

[9] Г.А.Климов [1994], безоговорочно присоединяясь к идее Закавказской прародины, оставляет лишь полтора десятка слов, которые могли проникнуть в общекартвельский период, т. е. в относительно раннюю эпоху (до III тыс. до н. э.). Прочие заимствования должны быть ещё более поздними и, следовательно, о контактах индоевропейцев эпохи ИЕО, они ничего не говорят.

[10] Можно было бы предположить, что в этом качестве может быть привлечена какая-то часть индоевропейско-картвельских лексических схождений, которые приводит в своём ностратическом словаре В.Иллич-Свитыч. Однако построения этого автора опираются на совершенно иную реконструкцию древнейшего индоевропейского фонетического состояния, развивающегося из общеностратического [Иллич-Свитыч, 1971: 147-157]. Кроме того, оказывается, что картвельский имеет не меньше чем с индоевропейским лексических соответствий с афроазийским, уральским, алтайским праязыками. Реконструкции В.Иллич-Свитыча выводят, следовательно, на совершенно другой уровень и для поддержки гипотезы Т.Гамкрелидзе и В.Иванова задействованы быть не могут.

[11] Следует иметь в виду, что если индоевропейский «праязык» ориентировочно соотносится с периодом VI — V тыс. до н. э., то общекартвельский едва ли мог распасться существенно ранее рубежа III – II тыс. до н. э. [ИЯ: 880, сноска 2], следовательно, говорить о взаимодействиях двух праязыков неправомерно и с хронологической точки зрения. Где находились носители картвельского праязыка ранее конца или середины III тыс. до н. э., в сущности, не известно.

[12] Исходя из этого, видимо, остаётся предположить, что первоначально индоевропейцы должны были занимать очень небольшой участок (скажем, горную долину) в Закавказье, а многочисленные диалектные и языковые особенности вырабатывались в процессе освоения ими пространств Армянского нагорья.

[13] При том, что убедительных доказательств существования «первичной» (вне Европы) пока не приведено, «вторичная» могла быть и единственной.